

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-8.6>

Киляшова Кристина Алексеевна

ТИТУЛ ЦАРИЦЫ В ДРЕВНЕЙ МАКЕДОНИИ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ IV - ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ III В. ДО Н.Э.

Статья рассматривает вопрос о появлении и использовании титула "царица" в древней Македонии. Значительное внимание уделяется взаимосвязи официального употребления титулов "царь" и "царица" с развитием института монархии. Анализируются сюжеты античных авторов и их понимание термина по отношению к женщинам династии Аргеадов. Приводятся эпиграфические свидетельства официального употребления титула, обозначаются позиции историков, изучивших этимологию термина. Указывается, что титул не определял обязанностей, но подтверждал высокий статус его обладателя и был тесно связан с закреплением династической легитимности. Отмечается повсеместное использование титула женщинами эллинистических государств.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/8/6.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 8(94) С. 30-34. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

очередь – проблему обеспечения круглогодичной занятости на предприятии. Между тем «кедроградское» движение сыграло важную роль в популяризации идеи комплексного неистощительного использования ресурсов кедровой тайги, активизировало научное изучение проблем лесопользования в кедровых лесах. Деятельность «кедроградцев» сделала проблему вырубке кедра достоянием общественного мнения в масштабах всей страны. Лидеры движения явились одними из авторов и инициаторов принятия в 1966 г. февральского постановления Совмина РСФСР, направленного на улучшение хозяйствования в кедровых лесах.

Несмотря на короткий период своего существования, «Кедроград» заложил традиции природоохранной деятельности и сыграл, таким образом, заметную роль в общественной жизни Горного Алтая.

Список источников

1. Вызываем Кедроград // Звезда Алтая. 1960. 28 сентября.
2. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-213. Оп. 9.
3. ГААК. Ф. Р-213. Оп. 11.
4. Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай (ГАСПДРА). Ф. П-1. Оп. 2а.
5. ГАСПДРА. Ф. П-1. Оп. 4.
6. ГАСПДРА. Ф. П-1. Оп. 47.
7. Закон об охране природы в РСФСР // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 586.
8. Клепиков Г. Тайга покоряется сильным // Звезда Алтая. 1963. 25 октября.
9. Королев Ю. Кедроград будет! // Звезда Алтая. 1960. 20 августа.
10. Парфенов В. Ф. Эксперимент в тайге. Кедроград и устойчивое развитие. М.: НИИ-Природа, 2000. 350 с.
11. Пульман Д. За красивым фасадом // Звезда Алтая. 1962. 11 июля.
12. Седых В. Н. Парадоксы в решении экологических проблем Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 2005. 160 с.
13. Титов Е. Возродим кедр на земле сибирской // Звезда Алтая. 1964. 4 февраля.
14. Трунов Н. Каков он есть, Кедроград? // Звезда Алтая. 1965. 23 июля.
15. Цехановская С. Иогач – наш дом // Звезда Алтая. 1964. 1 сентября.
16. Шевчук В. Будущее Кедрогграда // Звезда Алтая. 1963. 14 апреля.
17. Яницкий О. Н. Экологическое движение в России. Критический анализ. М.: Институт социологии РАН, 1996. 216 с.

“KEDROGRAD MOVEMENT”: FIRST ATTEMPTS TO ORGANIZE SUSTAINABLE FOREST MANAGEMENT IN CEDAR FORESTS OF SIBERIA (THE END OF THE 1950S – THE FIRST HALF OF THE 1960S)

Katashev Maksim Stepanovich, Ph. D. in History
S. S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaistics, Gorno-Altaiisk
kms_37@mail.ru

The article is devoted to the “Kedrograd movement” – public and practical activity to organize the exploitation of cedar forests on the principles of rational integrated use in Gorny Altai during the late 1950s – the first half of the 1960s. On the basis of archival sources the author shows the problems of objective and subjective character, with which the participants of the movement had to face. The achievements of “Kedrograd members” in the popularization of the idea of the integrated and inexhaustible use of cedar taiga resources and in the scientific study of the problems of forest management in cedar forests are noted. The study shows that the results of the movement participants’ activity were implemented in the adopted legislative acts aimed at improving the management of cedar forests in Russia.

Key words and phrases: rational forest management; “Kedrograd movement”; problem of cutting down cedar forests; nature protection; Gorny Altai; indirect use of forest resources.

УДК 94(38).02

Дата поступления рукописи: 07.06.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-8.6>

Статья рассматривает вопрос о появлении и использовании титула «царица» в древней Македонии. Значительное внимание уделяется взаимосвязи официального употребления титулов «царь» и «царица» с развитием института монархии. Анализируются сюжеты античных авторов и их понимание термина по отношению к женщинам династии Аргеадов. Приводятся эпиграфические свидетельства официального употребления титула, обозначаются позиции историков, изучивших этимологию термина. Указывается, что титул не определял обязанностей, но подтверждал высокий статус его обладателя и был тесно связан с закреплением династической легитимности. Отмечается повсеместное использование титула женщинами эллинистических государств.

Ключевые слова и фразы: Аргеады; Александр Македонский; царь; царица; титул.

Кияшова Кристина Алексеевна
 Казанский (Приволжский) федеральный университет
 kristina.kilyashova@mail.ru

**ТИТУЛ ЦАРИЦЫ В ДРЕВНЕЙ МАКЕДОНИИ
 ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ IV – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ III В. ДО Н.Э.**

В последнее десятилетие в исторической науке усилился интерес к изучению сущности царской власти и развитию царских титулов. Обращение историков к специальному изучению титулатуры позволяет рассмотреть

правовое положение правителя и определенную тенденцию в его идеологической политике [4, с. 117; 8, с. 161]. Разумеется, женщины также имели титулы и занимали почетное место при царском дворе. Вследствие этого целью данной статьи является рассмотрение появления и употребления титула царицы в нарративной греческой традиции и эпиграфике античной Македонии. Появление титула неразрывно связано с изменениями, происшедшими в политической системе древней Македонии. Поэтому при анализе данного вопроса необходимо рассмотреть царскую власть и использование титула «царь» македонскими правителями.

Центральным институтом политической власти в Македонии была монархия. Первоначально власть в Македонии была представлена династией Аргеадов (Теменидов), цари которой непрерывно управляли страной с ранней архаики до смерти Александра IV в 309 г. до н.э. [19, р. 236]. Правящая династия по традиции претендовала на власть над номами Верхней Македонии.

В V в. до н.э. македонские правители мало чем отличались от остальной элиты. Цари были воинами и нередко погибали в бою. В мире и на войне они были окружены гетайрами (товарищами), подобно героям Гомера [22, р. 5]. Поэтому македонская монархия и македонское общество часто характеризуются как «гомеровское» [19, р. 236-241; 24, р. 17-44]. Числившиеся в номинальном подчинении отдельные племена имели собственные династии и служили македонским царям на войне. Имя царя вместо названия государства ставилось на дипломатических документах и чеканилось на монетах [14, с. 566]. Большинство историков считают, что власть царя была неограниченной, но зависела от ряда факторов, которые он должен был учитывать. К ним относят македонскую элиту, родственников царя, воинов и внешнеполитическую ситуацию [19, р. 231-241]. Здесь необходимо отметить некоторые полномочия царя: он контролировал природные ресурсы страны, участвовал в панэллинских событиях, заключал внешнеполитические союзы, осуществлял главное командование над армией, выступал в роли судьи, определял внешнюю политику, осуществлял ритуалы и праздники и, возможно, назначал своего преемника [Ibidem, р. 238]. В Македонии царь, по сути дела, олицетворял закон и не имел конституциональных ограничений своей власти. Н. Хэммонд считает, что в IV в. до н.э. государственные институты Македонии имели больше сходства с институтами эпирской Молоссии, Иллирии, Пеонии и Фракии [14, с. 566].

Для обозначения македонских правителей греки применяли титул βασιλεύς «царь» [18, р. 11]. Титул «царь» является общим греческим термином для определения повелителя, царя или царевича [29, р. 375]. Упоминание титула мы находим у Геродота и Фукидида. Геродот использует его для обозначения титула Александра I в период битвы при Платеях: «Александр, сын Аминты, военачальник и македонский царь» (Ἀλέξανδρος ὁ Ἀμύντεω, στρατηγός τε ἐὼν καὶ βασιλεὺς Μακεδόνων) [5, с. 575]. Фукидид [13, с. 125] называет царем Пердикку, сына Александра I: Περδίκκος Ἀλεξάνδρου βασιλεὺς. Однако исследователи полагают, что правители Македонии до Александра III на официальном уровне не называли себя царями [17, р. 61; 25, р. 20]. Подтверждение этому мы можем найти в эпиграфических источниках, где вместо титула «царь» обозначается его имя и имя его отца: например, «Аминта, сын Аридея» или «Александр, сын Филиппа» [12, с. 103; 28, р. 19-20]. Официально первым стал использовать титул Александр III. А. Эймар аргументирует это тем, что употребление царского титула Александром сложилось за счет его двойственного положения во время нахождения на территории Ахеменидской державы как гегемона панэллинского союза и как нового царя Персии [17, р. 61]. В надписях Александр III официально именуется βασιλεὺς Ἀλέξανδρος «царь Александр» [27, р. 383]. Этот титул встречается в декретах о возвращении изгнанников городов Тегеи и Хиоса (GHI. 84, 101), Митилены и Приены (GHI. 86; 85). Считается, что Александр стал использовать титул не ранее 331 года до н.э. [18, р. 12]. Из этого следует, что если титул «царь» стал официально употребляться в документах только при Александре III [9, с. 40-41], то титул «царица» не мог быть зафиксирован в источниках ранее правления Александра Македонского.

По аналогии с мужскими именами женские имена также прилагались к именам отцов. Например: Εὐρυδίκη Σίρρα «Эвридика, дочь Сирры». Однако в ранних греческих источниках встречается обозначение βασίλισσα «царица или царица» [7, с. 290]. Βασίλισσα – женская форма слова βασιλεύς «царь». Как отмечает М. Бросиус, Гомер в поэме «Одиссея» называет царицами Тиро, Навсикаю, Арету и Пенелопу [20, р. 18]. Эсхил использует его для персидской царицы и для Клитемнестры в «Агамемноне» [Ibidem]. Термин неизменно применялся для обозначения главных женщин царского или благородного рода в гомеровском обществе. Он не был конкретным титулом для описания политического статуса царской жены [Ibidem, р. 19]. Примечательно, что термин встречается в V веке до н.э. Геродот обозначает им жену Кандавла – лидийского царя [5, с. 136], Томирис – правительницу массагетов [Там же, с. 196] и Гестию – предводительницу скифов [Там же, с. 350]. Из трех женщин только Томирис фактически описана как правящая царица. У других женщин нет прямой политической власти [20, р. 18]. Диодор называет [6, с. 276] царицей амазонку Фалестриду. Позже Плутарх приписывает титул жене Артаксеркса II Статире и его матери Парисатиде [11, с. 135]. М. Бросиус приходит к вполне логичному выводу, что данным термином обозначают определенных женщин – членов царского двора или правящего дома. Перевод «царица», который, как представляется, идентифицирует одну царскую особу, обладающую конкретным политическим статусом, не может быть точным. Поэтому она предлагает перевод «царская женщина», а не «царица» [20, р. 20]. Такой перевод лучше отражает способ применения этого термина к правящим женщинам, женщинам царского двора. Данное обозначение следует рассматривать, как признание царского статуса, но не как свидетельство того, что это был титул с конкретными обязанностями.

Βασίλισσα является греческим словом, используется для идентификации определенных женщин в качестве членов царского двора или правящего дома. Слово было создано путем добавления женского суффикса

к корню *басилевса*, «царь» [20, р. 20; 21, р. 156]. С. Померой предполагает, что Ксенофонт сгенерировал слово [31, р. 276-277, 303]. Изначально, по мнению М. Бросиус, термин «царица» в греческих источниках относился к жене или матери персидского царя [20, р. 20]. Так, Арриан пишет, что Александр поручил своему другу Леоннату передать семье Дария II (которая вместе с другими знатными женщинами и гаремом попала в плен к македонянам после битвы при Иссе), что им будут оказываться царские почести и обращаться как с царицами, и царицами они и будут называться [1, с. 315]. Курций Руф приводит схожий сюжет: «Леоннат сказал персидским женщинам, что Дарий жив, и им не нужно бояться Александра, они будут пользоваться прежними привилегиями и называться царицами» [10, с. 53]. Арриан называет царицами скифскую правительницу и легендарную царицу амазонок Фалестриду, прибывшую к Александру Македонскому с целью зачать от него ребенка [1, с. 339]. Афиней и Плутарх дают аналогичное обозначение Аде – правительнице Карики [2, с. 130; 11, с. 134].

В эллинистический период термин используется для обозначения македонских цариц. Употреблялся ли этот титул непосредственно представительницами династии Аргеадов или он был введен позже? Единственные свидетельства употребления слова «царица» по отношению к женщинам династии встречаются у греческих историков Афиней и Диодора. Афиней приводит сведения, что при персидских царицах держали женщин, называвшихся лестицами, которые устраивали из своих тел лестницу, чтобы их хозяйки могли по их спинам всходить на повозки. Позже они после смены власти перешли к македонским царицам [2, с. 322]. Диодор, описывая расправу Кассандра над Олимпиадой, матерью Александра Македонского, использует по отношению к ней термин *βασίλισσα* [23, р. 365]. Историк сообщает: «Когда Олимпиада отказалась бежать, но, напротив, была готова предстать перед судом всех македонян, Кассандр, опасаясь, что толпа может изменить свое решение, если она услышит слова защиты царицы и вспомнит все преимущества, дарованные всему народу Александром и Филиппом, послал двести солдат, которые лучше всего предназначены для таких задач, приказав им убить её как можно скорее. Они, таким образом, ворвались в царский дом, но, когда они увидели Олимпиаду, спасовали перед ее высоким рангом, оставили свою задачу невыполненной. Родственники ее жертв, желая снискать благосклонность Кассандра, а также отомстить за своих мертвецов, убили царицу...» [Ibidem, р. 369]. Очевидно, что у Диодора обозначение Олимпиады как царицы было указано после смерти Александра и не было использовано им в описании более раннего периода правления Филиппа II или Александра III. В источниках титул «царица» не применялся даже по отношению к жене Александра, дочери персидского царя Дария III, Статире. Данную тенденцию мы встречаем и в надписи: «Роксана – жена царя Александра» (*βασίλειως Ἀλεξάνδρου γυνὴ Ῥοξάνη*) (IG. II. 1492). Все же мы не можем отнести эти эпизоды к очевидным доказательствам использования данного титула по причине отдаленности их авторов от IV века до н.э. Они писали свои труды в период, когда общество широко использовало данный термин для обозначения женщин царских домов. Впрочем, есть один интересный пассаж Афиней, в котором он сообщает сведения афинского историка IV века до н.э. Диилла (FNG. II. 361) о том, что Кассандр, вернувшись из Беотии, устроил в Эгах погребения царя Филиппа III Арридея и его жены царицы Адеи Эвридики [2, с. 204]. Если предположить, что это дословное цитирование, то можно сказать, что в представлении афинян правители Македонии наделялись царскими титулами. Примечательно, что и Диодор называет Адею Эвридику царицей [23, р. 121]: «Эвридика – царица стала вмешиваться во многие дела и действовать против усилий опекунов». Есть предположение, что Адея Эвридика была первой представительницей династии Аргеадов, использовавшей титул царицы Македонии, хотя это название, как и титул царя, было успешно развито диадохами [30, р. 42].

Логично то, что после смерти Александра III царское обозначение могло распространяться на представителей династии. В таком случае женщины династии могли неофициально использовать титул для того, чтобы подчеркнуть родство с великим завоевателем. Греки, в свою очередь, могли воспринимать женщин династии Аргеадов по аналогии с персидскими представительницами династии Ахеменидов.

Принято считать, что официально Антигон и его сын Деметрий Полиоркет приняли царский титул в 306/5 году до н.э. после их победы при Саламине над Птолемеем I. По словам Плутарха, этот высокий сан был пожалован ему при ликующих возгласах армии Аристомедом, которому победитель Птолемея поручил сообщить о победе отцу, а его друзья возложили на чело Антигона диадему [15, с. 106]. Их примеру последовали остальные диадохи: Птолемей в Египте, Кассандр в Македонии, Лисимах во Фракии и Селевк в Вавилонии [3, с. 10; 26, р. 553-559]. Приняв титул, Антигон показывал, что считает себя наследником Александра. Как царь, он претендовал на власть над всей прежней империей Александра [3, с. 95].

В этот период появляются эпиграфические данные, свидетельствующие о титуле царицы. Чаще всего встречается упоминание жен и дочерей царей. Например, Филадельфия – жена Деметрия Полиоркета (IG. II². 776, SEG 33:115) и дочь Стратоника Сирийская (SEG 49:877). Э. Карни считает, что разработка названия для женщин была связана с насущной потребностью преемников узаконить власть, которую они, по существу, узурпировали. Диадохи стремились создать династическую легитимность [21, р. 170; 22, р. 160]. Данная позиция приемлема, учитывая то, что Кассандр, в своем стремлении показать преемственность с Аргеадами, женился на сводной сестре Александра Фессалонике [23, р. 371]. Повсеместное распространение титула ретранслировало его в римский период. Так, надпись на постаменте для статуи римского времени, обнаруженная в Салониках, именует Фессалонику, дочь Филиппа II, царицей (*Θεσσαλονικὴ Φιλίππου βασίλισσα*) (IG. X, 2 1277). Однако стоит учитывать, что самым ранним засвидетельствованным примером использования полного титула с именем правителя является надпись на постаменте статуи Кассандра: «царь македонян Кассандр, сын Антипатра, Зевсу

Олимпийскому» (βασιλεὺς Μακεδόν[ων] Κάσσανδρος Ἀντι[άτρου] Διὶ Ὀλυμπίῳ) (SEG XXXIV 620). Данные сведения позволяют утверждать, что Фессалоника, или Филадельфия, именовалась царицей. Обращаясь к римским авторам, можно заметить, что Юстин называет Фессалонику царицей [16, с. 130].

Естественно, что титул не был исключительным правом [22, р. 226]. Филадельфия (SEG 33:115) и Береника (IvO 306) могли называться царицами в один период. Э. Карни анализирует сюжет Юстина [Ibidem, р. 172] о том, что Арсиноя II лишилась своего статуса после смерти первого мужа диадоха Лисимаха и вернула его, выйдя замуж за Птолемея Керавна. Приходит к выводу, что название «царица» относится к статусу, который можно получить по рождению или по браку, вследствие этого Арсиною II всегда можно было назвать царицей, потому что она была дочерью Птолемея I [Ibidem, р. 227].

Титул закреплялся только за официальной женой. Афиней [2, с. 296] сообщает, что Деметрий Полиоркет держал при себе Самосскую гетеру Миррину и хоть не венчал ее диадемой, но делил с ней царскую власть. Это интересное различие. Гетера была лишена диадемы. Этот отрывок подтверждает тесную связь титула царицы и ношения диадемы [22, р. 233]. Важно отметить, что титул не фиксировал определенных обязанностей, а скорее был нужен для подтверждения высокого статуса его обладателя.

Титул «царица» официально стал использоваться в эллинистический период. Данная тенденция объясняется стремлением преемников Александра Македонского реализовать притязания на власть и возвысить членов своей семьи над остальной элитой. По этой причине отсутствие титула у гетер царя является свидетельством их нецарского происхождения и, следовательно, низкого социального положения семьи. Впрочем, применение Александром официального царского титула создало предпосылки для неофициального обозначения царицами женщин династии Аргеадов.

Список источников

1. **Ариан.** Поход Александра / пер. с древнегреч. М. Е. Сергеенко. СПб.: Алетейя, 1993. 367 с.
2. **Афиней.** Пир мудрецов: в 2-х т. / пер. с древнегреч. Н. Голинкевич. М.: Наука, 2010. Т. 1. 658 с.
3. **Бенгтсон Г.** Правители эпохи эллинизма / пер. с нем. Э. Д. Фролова. М.: Наука, 1982. 391 с.
4. **Виноградов Ю. А.** Монархические титулы в истории древней Греции // Проблемы культурогенеза и культурного наследия: сборник статей к 80-летию Вадима Михайловича Массона. СПб.: Инфо Ол, 2009. С. 117-128.
5. **Геродот.** История / пер. с древнегреч. Ф. Г. Мищенко. М.: Академический Проект, 2014. 598 с.
6. **Диодор.** Историческая библиотека / пер. М. Е. Сергеенко // Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. С приложением сочинений Диодора, Юстина, Плутарха об Александре / отв. ред. А. А. Вигасин. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1993. С. 267-342.
7. **Древнегреческо-русский словарь:** в 2-х т. / сост. И. Х. Дворецкий. М.: ГИНС, 1958. Т. 1. 1043 с.
8. **Егоров А. Б.** Проблемы титулатуры римских императоров // Вестник древней истории. 1988. № 2. С. 161-172.
9. **Корнилов Ю. В.** Ориентализм в идеологии и политике Александра Великого: дисс. ... к.и.н. Казань, 2017. 230 с.
10. **Курций Руф.** История Александра Македонского / пер. с лат. М.: Московский ун-т, 1963. 459 с.
11. **Плутарх.** Сравнительные жизнеописания: в 2-х т. / пер. с древнегреч. М.: Наука, 1994. Т. 2. 630 с.
12. **Соколов Ф. Ф.** Договор Аминты с халкидцами фракийскими // Журнал Министерства народного просвещения. 1897. Март. С. 103-112.
13. **Фукидид.** История / пер. с древнегреч. М.: Академический Проект, 2012. 557 с.
14. **Хэммонд Н.** История Древней Греции / пер. с англ. Л. А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2003. 703 с.
15. **Шофман А. С.** Распад империи Александра Македонского. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1984. 222 с.
16. **Юстин.** Эпитама сочинения Помпея Трога "Historiae Philippicae" / пер. с лат. А. А. Деконского, М. И. Рижского. М.: РОССПЭН, 2005. 640 с.
17. **Aymard A.** βασιλεὺς Μακεδόνων // RIDA. 1950. Vol. IV. P. 61-97.
18. **Badian E.** Alexander the Great between the Two Thrones and Heaven: Variations on an Old Theme // Subject and Ruler Power in Classical Antiquity: Journal of Roman Archaeology. 1996. Supplementary series. № 17. P. 11-26.
19. **Borza E. N.** In the Shadow of Olympus: The Emergence of Macedonia. Princeton: Princeton University Press, 1992. 347 p.
20. **Brosius M.** Women in Ancient Persia (559-331 BC). Oxford: Clarendon Press, 1996. 258 p.
21. **Carney E. D.** "What's in a Name?" The Emergence of a Title for Royal Women in the Hellenistic Period // Women's History and Ancient History / ed. by S. B. Pomeroy. Chapel Hill – L.: The University of North Carolina Press, 1991. P. 154-172.
22. **Carney E. D.** Women and Monarchy in Macedonia. University of Oklahoma Press, 2000. 369 p.
23. **Diodorus Siculus.** Library of History. Vol. I-XII / with an English transl. by C. H. Oldfather, C. L. Sherman, C. B. Welles, R. M. Geer and F. K. Walton. Cambridge (Mass), 1947. 432 p.
24. **Edson C. F.** Early Macedonia // Αρχαία Μακεδονία. Proceedings of the International Symposia on Ancient Macedonia. 1970. Vol. I. P. 17-44.
25. **Errington R. M.** Macedonian "Royal Style" and Its Historical Significance // Journal of Hellenic Studies. 1974. № 94. P. 20-37.
26. **Gruen E.** The Coronation of the Diadochoi // The Craft of the Ancient Historian: Essays in Honor of Chester G. Starr / ed. by J. W. Eadie and J. Ober. Lanham, 1985. P. 553-571.
27. **Hammond N. G. L.** The King and the Land in the Macedonian Kingdom // Classical Quarterly. 1988. Vol. 38. № 2. P. 382-391.
28. **Hatzopoulos M. B.** Macedonian Institutions under the Kings. A Historical and Epigraphic Study. Athens, 1996. Vol. II. 149 p.
29. **King C. J.** Macedonian Kingship and Other Political Institutions // A Companion to Ancient Macedonia / ed. by J. Roisman and I. Worthington. Oxford, 2010. P. 373-391.
30. **Miron D.** Transmitters and Representatives of Power: Royal Women in Ancient Macedonia // Ancient Society. 2000. Vol. 30. P. 35-52.
31. **Pomeroy S. B.** Oeconomicus: A Social and Historical Commentary. Clarendon Press, 1994. 388 p.

**QUEEN TITLE IN ANCIENT MACEDONIA
OF THE LAST THIRD OF THE IV – THE FIRST QUARTER OF THE III CENTURY BC**

Kilyashova Kristina Alekseevna
Kazan (Volga Region) Federal University
kristina.kilyashova@mail.ru

The article deals with the issue of the occurrence and use of the queen title in Ancient Macedonia. Significant attention is paid to the interrelation between the official use of the king and queen titles with the development of the monarchy institution. The plots of ancient authors and their understanding of this term in relation to the women of the Argead dynasty are analyzed. The epigraphic evidence of the title official use is given, the views of historians having studied the etymology of the term are revealed. It is stated that the title did not determine duties, but confirmed the high status of its holder and was closely related to the consolidation of dynastic legitimacy. The widespread use of the title by the women of Hellenistic states is noted.

Key words and phrases: the Argeads; Alexander III of Macedon; king; queen; title.

УДК 94(47)+339.5(091)+811

Дата поступления рукописи: 02.07.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-8.7>

В течение XVIII-XIX веков в окраинных регионах Российской империи на фоне процессов колонизации присоединенных территорий и интенсивного трансграничного торгового взаимодействия возникли несколько языков-пиджинов. В статье проанализировано их общее и особенное, выявлены закономерности их параллельного развития в сходных историко-культурных обстоятельствах, рассмотрена интеграция этих языков в адаптивные практики, существовавшие на ключевых направлениях внешней торговли. Сделан вывод о возможной интерпретации данного феномена как характерного элемента имперской эволюции.

Ключевые слова и фразы: Российская империя; торговый пиджин; кяхтинский язык; алеутско-медновский язык; руссенорск; суржик.

Кожухарь Андрей Игоревич, к.и.н.
Иркутский областной дом народного творчества
andreikozhukhar@gmail.com

**ТОРГОВЫЕ ПИДЖИНЫ НА ОКРАИНАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ:
ПОПЫТКА СОПОСТАВЛЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ**

Пиджины – смешанные языки, возникающие в ситуации коммуникации сторон, не владеющих языками друг друга, но в силу тех или иных историко-культурных обстоятельств вынужденных тесно взаимодействовать. Почвой для возникновения пиджинов могут стать процессы колонизации, торговые контакты и т.п. Рассмотрение одного из таких языков – кяхтинского пиджина – в контексте истории внешней торговли и развития окраинных регионов [5, с. 88-109] закономерно привело к необходимости подобным образом проанализировать и сопоставить другие пиджины или близкие к ним языки, синхронно эволюционировавшие на границах Российской империи. Наряду с кяхтинским (иногда определяемым шире как сибирский), это руссенорск, язык медновских алеутов и суржик. Следует отметить, что, по крайней мере, первым двум из перечисленных языков посвящены специализированные диссертационные исследования по филологическим наукам [4; 10]. В историческом же контексте русские пиджины до сих пор не рассматривались.

Что касается кяхтинского пиджина, то было показано, что его использование являлось необходимой частью адаптивных практик в зоне трансграничной торговли Российской империи с Китаем и Монголией. Его лексическая структура отразила статус взаимодействующих сторон: она ограничена охватом коммуникативных потребностей, связанных с обеспечением торговой и сопутствующей деятельности, и представляет собой заимствования в наиболее функциональной форме из китайского и русского языков. Поскольку монголы были посредниками в русско-китайской торговле, то определенную (меньшую) долю составляют монгольские лексические заимствования [8].

При этом использование пиджина сопровождалось активной бытовой адаптацией: восприятием манеры одеваться, принимать пищу, обустраивать жилище и т.д. Это делалось во многом в коммерческих целях – для более тесной интеграции в среду коммерческого партнера и, соответственно, более успешного ведения торговли. Но, поскольку купечество было опорным сословием сибирского общества, оно активно транслировало привычки и вкусы другим социальным группам. Кроме того, мода на восточные предметы быта распространялась посредством рекламы. Эти три аспекта – языковой, бытовой и рекламный – являлись основными проявлениями адаптивных практик, сопутствовавших российской внешней торговле на данном направлении. Помимо того, имеется точка зрения, учитывающая, что кяхтинский пиджин не только использовался в торговле, но и был средством коммуникации колонизаторов с коренным населением, и возводящая возникновение данного языка к более ранним процессам освоения сибирских земель [10].